

УДК 316.62

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОДА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾*Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь*

Рассмотрены методологические аспекты анализа социокультурного кода: генезис и определения исходных терминов, природа и виды кодирования, модели как коды, методика раскрытия кода в версии К. Рапая, структура бессознательного с точки зрения кодирования психологических реакций. Раскрыты особенности кодирования таких элементов бессознательного, как рефлекс, инстинкт, архетип и др.

Ключевые слова: код; кодирование; декодирование; модель; рефлекс; инстинкт; архетип; матрица; аналог; синергия; изоморфизм; гомоморфизм.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCHING THE SOCIO-CULTURAL CODE

S. A. SHAVEL^a

^a*Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova street, 1, building 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus*

The methodological aspects of analyzing the socio-cultural code are considered, namely the genesis and defining of original terms, nature and kinds of coding, models as codes, a kit of methods of decoding according to Clotaire Rapaille, structure of the unconscious from the viewpoint of coding psychological reactions. The peculiarities of coding the elements of the unconscious such as reflex, instinct, archetype etc. are uncovered.

Key words: code; coding; decoding; model; reflex; instinct; archetype; matrix; analogue; synergism; isomorphism; homomorphism.

Образец цитирования:

Шавель С. А. Методологические аспекты социологического исследования социокультурного кода // Социология. 2016. № 2. С. 8–25.

For citation:

Shavel S. A. Methodological aspects of sociological researching the socio-cultural code. *Sotsiologiya*. 2016. No. 2. P. 8–25 (in Russ.).

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei Shavel, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.
d-v-nazarova@yandex.ru

Многогранная проблематика кодирования приобретает все большую актуальность по мере становления и укрепления информационного общества, развития всех видов коммуникаций. Все чаще в литературе встречается мысль о том, что современный человек живет в кодированном (знаковом) мире. Этот тезис может кому-то показаться надуманным и излишне преувеличенным, особенно если исходить из традиционных представлений о том, что окружающая среда с ее ландшафтом – климатом, лесами, горами, водами, почвами, флорой и фауной – это *естественные* условия обитания людей. Под естественными условиями понимаются не только природные, но и те, которые дают адекватные ответы на правильно поставленные вопросы, т. е. поданные сигналы. Однако природа далеко не так открыта, как того хотел бы человек и в чем он нуждается. Она тщательно охраняет свои тайны, используя для этого самые разнообразные способы – от простого «захоронения» своих даров в глубинах недр земли до чрезвычайного усложнения микроструктур материи, особенно органической жизни. «Природа, – писал Сэмюэл Батлер, – как фокусник: за ней нужен глаз да глаз» [1, с. 685]. Именно природа, а не человек, создала наше мироздание, метagalaktiki и тончайшие структуры микрокосмоса, а также сложнейший универсальный генетический код, предназначенный не столько для сокрытия тайны жизни, ее происхождения на земле, сколько для воспроизводства (редубликации) организмов, передачи наследственной информации и т. д. Генетический код обладает рядом свойств: однозначностью; наличием «знаков препинания» между генами; отсутствием таких знаков внутри гена (благодаря чему он имеет фиксированное начало считывания); универсальностью. Отмечая последнее свойство, генетики утверждают: «Код един для всех живущих на земле существ – от бактерий, грибов до человека» [2, с. 137]. Поиски способов проникновения в тайны природы, расшифровки ее многочисленных кодов привели к возникновению науки. Более 2 тыс. лет назад римский философ Цицерон писал: «Изучение и наблюдение природы породило науку» [1, с. 120].

Тем не менее люди создали собственную систему наследования, сохранения и передачи своих достижений – культуру, в которой по аналогии с природой используются разнообразные приемы (методы) кодирования. К основным кодам культуры можно отнести идеи, понятия, смыслы, модели, ценности, диспозиции, фреймы, паттерны, мотивы, экспектации, память, бессознательные психологические реакции и др. Культурные коды, как знаково-символическая форма обработки информации, выполняют функции сжатия и рубрикации сведений, их трансляции, раскрытия содержания сигналов, транскрибирования (перевод на разговорный язык) и интерпретации. Итальянский философ и писатель Умберто Эко обращал внимание на близость культурного кода к идеологии в том смысле, что единицы кода могут использоваться разными способами и в различных целях, например математиком, художником и сотрудником ГАИ. «Мы опознаем идеологию как таковую, – писал он, – когда, социализируясь, она превращается в код. Так устанавливается тесная связь между миром кодов и миром предзнания» [3, с. 486]. Если учесть, что идеология использует главным образом такие коды, как идея, смысл и ценность, то можно согласиться с данным положением У. Эко. Но это предзнание (чувственное восприятие, эмоциональные отношения и переживания) превращается в явное знание тогда, когда становится идеологическим кодом.

В силу разных причин понятие «код» и его производные, как и вся проблематика кодирования, ее теоретические и практические результаты, пока не получили достойного внимания в отечественной социологии. Этим и обусловлена наша попытка устранить данный пробел, способствовать фасцинированию (пробуждению) воображения, особенно молодых ученых – студентов, аспирантов и научных сотрудников.

Природа и виды кодирования

Под операцией кодирования чаще всего понимается условное обозначение слов естественного разговорного языка или специальных терминов с помощью искусственно созданного алфавита, который недоступен и не может быть прочитан непосвященными. Соответственно, декодирование представляет собой

обратный процесс дешифровки и транскрипции, т. е. записи закодированного текста буквами данного языка. Возникновение кодирования обычно относят к середине и второй половине XIX в.: создание азбуки Морзе (1850), появление телеграфного аппарата Бодо (1890). В 1909 г. Г. Маркони и Ф. Браун получили Нобелевскую премию по физике за создание беспроводного телеграфа.

Во многом это связано с тем, что термин «код» и его производные не использовались в анализе предыдущих исторических эпох, а значит, не получили ясной научной экспликации. Такой упрек можно, по-видимому, адресовать прежде всего классикам этнографии – Эдварду Тейлору, Джеймсу Джорджу Фрэзеру, Брониславу Каспару Малиновскому и др. Несмотря на выявленную ими во многих обычаях и ритуалах духовной жизни архаического общества (среди древних или отставших в своем развитии племен и народов) логику кода, они не попытались ее раскрыть и проинтерпретировать. Дж. Дж. Фрэзер, например, объяснял тотемизм как веру в возможность «спрятать свою душу (ради ее безопасности) в тело какого-нибудь животного, которое и становится тотемом данного человека» [4, с. 754]. Но ведь «спрятать» – это одна из функций именно кода, поэтому, естественно, возникают вопросы о том, что это за стремление, почему оно возникает, в каких вербальных или практических актах осуществляется, как влияет на отношения с посторонними, от кого человек хочет скрыть свою душу. Думается, что такая схема анализа была бы полезной автору, но он ее не заметил.

Потребность в кодировании и, соответственно, декодировании резко возросла с началом Второй мировой войны. Каждая из стран нуждалась в трансляции по своим каналам больших объемов строго секретных сведений – не только военных, но и дипломатических, экономических, транспортных и пр., в то время как противная сторона не жалела усилий для того, чтобы добыть хоть частичку такой информации. В период массовых налетов немецкой авиации на Англию английским ученым удалось раскрыть код коммуникаций противника. Зная планы немцев, Англия смогла принять все возможные меры по снижению потерь от бомбардировок. Важную роль в раскрытии шифра германского кодового аппарата «Энигма» сыграли разработки и изобретения основоположника компьютерного программирования Алана Тьюринга. Это позволило создать систему «Ультра» для перехвата и декодирования приказов немецкого командования, в том числе Гитлера. В литературе этот процесс раскрытия кода иногда называют началом создания теории кодирования, имея в виду то, что для декодирования нужно знать, как осуществляется предшествующий этап, т. е. принципы, методы, средства построения кода.

Это, безусловно, верно, но не стоит забывать о том, что способы транскрибирования (обратного перевода) криптограмм разрабатывались параллельно с появлением тайнописи. Неслучайно многие из них перечислены Александром Исачевичем Солженицыным. В 1971 г. к письму своему адвокату в Швейцарии он добавил «Вложение для цензуры». В нем отмечалось: «В вашей фактической власти всякое письмо – читать, анализировать, фотографировать, изучать на нюх, на просвет, над огнем, с помощью мочи и других химикалиев. Однако вы обязаны доставить его адресату в сроки, правдоподобные при нынешних транспортных скоростях» [5, с. 25]. Это вложение дошло в сохранности до адвоката Хееба. Цензура, как пишет А. И. Солженицын, предпочла притвориться, что ее нет. Дело, конечно, не в цензуре, а в том, сколько придумано способов декодирования текстов. В историю, например, также вошло выражение «Эмсская депеша» – как разглашение дипломатических секретов со многими последствиями. Такую депешу (телеграмму) прислал 15 июля 1870 г. из курортного городка Эмса король Пруссии Вильгельм I своему канцлеру Отто фон Бисмарку. В ней сообщалось о переговорах короля с послом Франции. Вопреки дипломатическим нормам Бисмарк опубликовал заметку об этом событии, что послужило поводом для объявления французским императором Наполеоном III войны Пруссии. Франция войну проиграла, а Германия объединилась во Вторую империю.

Учитывая множество вариантов кодирования, целесообразно обратить внимание на некоторые виды кодов и их особенности. Для наших аналитических задач, в том числе компаративного исследования, можно выделить следующие виды кодов.

1. *Фонетический код* – обозначение артикулируемых (членораздельных) звуков произносимой речи (*parole*, по терминологии Фердинанда де Соссюра) условными искусственными знаками. Этот вид кодирования сыграл решающую роль в появлении письменности. Конечно, люди издревле стремились сохранить опытные знания, наблюдения и т. п. не только в памяти, но и закрепить их на каких-то носителях – для сохранения и передачи новым поколениям. Так возникло кипу – узелковое письмо: на веревке завязывались узелки разной формы и цвета, обозначавшие те или иные предметы, их количество и т. д. Подобные письма создавались, по-видимому, на разные случаи жизни из подручных материалов – дерева, камня, глины. Считается, что письменность изобрели шумеры, испытывая потребность вести бухгалтерию. Первоначально это были пиктограммы, т. е. рисуночное письмо, позже их сменила клинопись. В Египте и на Дальнем Востоке возникла система иероглифов, но большая часть народов мира перешла на алфавит, в котором знаки, т. е. буквы, обозначают звуки, а их комбинации – слова. О том, что этот процесс был кодированием, сегодня напоминают, во-первых, различия между существующими языками, которых насчитывается около 4,5 тыс. (по Ноаму Хомскому); во-вторых, постоянный процесс «новояза» (арго, жаргон, сленг); в-третьих, продуцирование и развитие научной и другой специальной терминологии, требующей обратного перевода на естественный язык данной культуры.

2. *Технический код* – технические устройства, обеспечивающие строго заданную логику операций, последовательность и переходы в соответствии с программой (автоматы и автоматические линии, комплексы механизмов, процессоры, роботы и т. д.). Код таких устройств реализует принципы обратной связи: положительная обратная связь усиливает сигналы, идущие к исполнительным органам, отрицательная связь несет информацию о ходе процесса и при необходимости корректирует его. Первыми автоматами на обратной связи стали поплавковый регулятор Ползунова и центробежный регулятор Уатта, с внедрения которых и началась первая промышленная революция. Сегодня такие устройства приобрели всеобщее распространение и огромное значение во всех сферах общественной жизни – от привычных домофонов и стиральных машин до атомных электростанций. Успешно развиваются такие научные дисциплины, как кибернетика – наука об управлении, бионика – наука о переносе способов функционирования живых существ в инжиниринг, физиологическое направление обратной афферентации, заложенное П. К. Анохиным, и др. Интересный пример разработки шифратора – для обеспечения секретности транслируемой информации в одной из «шарашек» (исследовательском институте в тюрьме) – рассказал А. И. Солженицын. Поступило задание разработать шифратор, т. е. прибор, который мог бы обеспечить включение и переключение множества реле, так запутывающих импульсы изуродованной речи, чтобы даже сотни людей не могли расшифровать разговор, идущий по проводам. Один из инженеров – Сологдин, отбившийся в боковое русло (якобы из-за ослабления памяти длительной голодовкой), взялся за разработку тайно, в одиночку и нашел решение. Свою работу он дал на просмотр еще одному зеку, бывшему профессору, директору математического института, – Челакову. Челаков работу одобрил, заметив: «Ваша шифровка строится по хаотическому принципу, это хорошо, но хаос, однажды выбранный, хаос застывший – есть уже система. Сильнее было бы усовершенствовать решение так, чтобы хаос еще хаотически менялся» [6, с. 54]. От таких слов, пожалуй, не отказался бы и нобелевский лауреат (1977) Илья Пригожин, получивший премию «За вклад в термодинамику необратимых процессов, особенно в теорию диссипативных (рассеивающих. – С. Ш.) систем» [7, с. 360]. Конечно, основная функция технического кода – программирование действий и процессов, но вместе с тем он закрывает от непосвященных ключи от своего шифра, как, например, в обычном домофоне.

3. *Модель как код оригинала* – это в широком смысле слова образ, образец, макет (увеличенный или уменьшенный), опока (форма для литья), матрица, аналог (схема, план, формула), выражающие собой объекты и явления действительности как их оригиналы при условии, что отношения между моделью и оригиналом являются изоморфными либо гомоморфными. Изоморфизм отношений означает, что каждому элементу одной системы, ее свойству и функции могут быть

поставлены во взаимно-однозначное соответствие элемент, свойство и функция другой системы. Поскольку это отношения равенства, тождества, то их называют симметричными, но модель здесь является не просто копией оригинала, хотя бы потому, что может быть изготовлена из другого материала. В период испытаний реальный самолет, помещенный в аэродинамическую трубу, является изоморфной моделью для всех летательных аппаратов данного класса.

Гомоморфизм не требует симметричности отношений. Здесь модели достаточно быть конгруэнтной (подобной) оригиналу. Например, географическая карта гомоморфна местности. Все, что есть на правильной карте, есть и на местности, переносимо на нее, но не все признаки местности отображаются на карте, ведь главное для ее составителя – топографа – выделить и указать так называемые реперные точки (естественные и искусственные). Поэтому карта, как модель, есть лишь верное подобие местности.

В социологии модель правомерно считать референтом (представителем) оригинала, т. е. объекта исследования. Прежде всего такой гомоморфной моделью является республиканская выборка по отношению ко всему населению. Поскольку она строится по наиболее значимым котируемым признакам, таким как пол, возраст, образование, место жительства и др., то не может не быть подобной генеральной совокупности. Именно это правило, если оно выдержано тщательно, обеспечивает статистическую возможность переноса выборочных данных, т. е. полученных при изучении модели, на всю генеральную совокупность (выступающую в данном случае в качестве оригинала) построенной для исследовательских целей модели, что справедливо называется в социологии репрезентативностью (адекватной представленностью) выборки.

В теории моделирования традиционно выделяют три основных типа моделей: *физические*, *предметные* и *знаковые*. Социологическую выборку можно отнести к типу *физических моделей*. Для них характерно природное сходство с оригиналом и геометрическое подобие ему (в выборке это статистическое распределение котируемых признаков). Физические модели отличаются от оригиналов главным образом численными значениями параметров. В выборке это доля респондентов от разных социальных групп и демографических категорий населения. Но, как известно из теории выборки, такое отличие правомерно и доступно. О широчайшем распространении физического моделирования спорить не приходится: оно и сегодня составляет основу экспериментальных методов в науке и технике.

Предметная модель конструируется, как правило (хотя и необязательно) из материалов иной природы, чем оригинал, более подходящих и дешевых, – дерева, пластмассы, перкала и пр. Такие модели могут использоваться не только в познавательных целях, но и служить объектами развлечения и коллекционирования в качестве сувениров, игрушек и т. п. Надо отметить, что при интерпретации таких моделей предмет часто отождествляется с материальным субстратом, т. е. понимается как вещь, что переводит его в категорию физических. Между тем для науки более важно понимание предмета как темы, направленности и содержания исследования. Так, социологическая программа требует определения объекта и предмета конкретного социологического исследования. И если под объектом понимается некоторый относительно самостоятельный фрагмент социальной реальности (форма общественной жизни), то предметом является та его (фрагмента) сторона, функция, структура и т. д., в которых фиксируется проблемная ситуация («знание о незнании»), намеченная к изучению. Например, при изучении маятниковой миграции объектом является территориальное перемещение населения. Предметом может быть выбран один из видов миграции: внешняя или внутренняя, реальная или потенциальная, трудовая или туристическо-экскурсионная, постоянная или возвратная, т. е. вахтовая, командировочная, стажировочная, сезонная и т. д. Предметом может быть и весь комплекс особенностей миграционного поведения мигрантов и их установок в целом. В любом случае специфика предмета состоит в следующем:

- 1) он конструируется по логике целей и задач исследования;
- 2) направлен на верификацию (подтверждение) и фальсификацию (отклонение) на основе социологических данных или статистических исследований;

3) учитывает диспозиции реальных и потенциальных мигрантов, в том числе градацию удовлетворенности первых и степень актуальности миграционных настроений вторых.

Предметное поле исследования включает все разнообразие ожиданий и оценок изучаемого феномена, дифференцированных относительно социальных групп и категорий населения. Предмет социологического исследования, в принципе, допускает использование математико-статистических методов, однако пока в данной области математика не получила широкого применения. Этим социология отличается от полностью математизированного современного естествознания. Скажем, механические и электрические колебания отличаются друг от друга по своей природе, однако изоморфны и описываются одним и тем же дифференциальным уравнением. Это позволяет с помощью механических колебаний моделировать электрические, и наоборот – такое моделирование вполне адекватно называют математическим. Оно широко распространено сегодня не только в технике, компьютерных и других технологиях, но и в некоторых направлениях экономической теории. В социологии одним из видов подобного моделирования можно назвать модель управления этнонациональными отношениями с помощью интернета [8], а также экономическим поведением [9].

Знаковая (или логико-математическая) модель строится из знаков (символов) и, соответственно, не имеет ничего общего с предметным содержанием оригинала. Напомним, в логике знаком называют «любой материальный предмет, который служит в процессе общения и мышления людей представителем какого-то другого объекта» [10, с. 39]. Соответственно, выделяются три вида знаков. К *знакам-индексам* относятся те, что связаны с представлением предмета каузально, т. е. только предметы являются причиной знаков (следы на снегу, дым из трубы). В языке это междометия – слова, выражающие непосредственное чувство (например, «ах», «ох»). *Знаки-образы* являются в некоторой степени изображениями обозначаемых предметов – это фото, чертежи, схемы, картины и др. В языке такими знаками служат звукоподражательные слова, обозначающие, например, треск, звон, жужжание и т. п. *Знаки-символы* физически с предметами никак не связаны и возникают либо стихийно, либо по соглашению – конвенционально. Условность связи позволяет производить замену, например: вместо математического символа операции умножения « \times » сейчас используется точка « \cdot ». К этому виду знаков относится большинство слов, в частности имена терминов языка естественных наук.

Код и его раскрытие в маркетинге: вариант Клотара Рапая

Среди публикаций по проблематике кодирования одной из наиболее распространенных и популярных является книга К. Рапая «Культурный код». Уже то, что она издана на русском языке, тиражом 3 тыс. экз., говорит о серьезном научном и практическом интересе (не только в России, но и на всем постсоветском пространстве) к высказанным идеям, особенно к методологии и методике раскрытия кода, запатентованной автором, а также к примерам компаративного сопоставления культурных кодов разных стран. В Беларуси проблемы социокультурного (цивилизационно-культурного) кода затрагиваются в книгах и статьях, посвященных исследованиям ментальности (В. В. Кириенко, А. Ю. Савенко), идентичности (И. В. Лашук, В. И. Русецкая, Л. И. Науменко), культурсоциологии (В. Л. Абушенко), социальных ценностей (Д. Г. Ротман, А. Н. Данилов, А. К. Воднева, Л. В. Филинская). Однако нетрудно заметить, что в этих публикациях, имеющих собственный предмет анализа, тема кода (кодирования/декодирования) упоминается лишь попутно, она скорее контаминируется, чем эксплицируется. Во всяком случае мы не можем пока заявлять о наличии единого целостного подхода к данной проблеме, ее методологических оснований, социологической методике, а главное, теоретических результатов исследований и их практических приложений. Именно поэтому столь важно со всем вниманием отнестись к работе К. Рапая, посвятившего, по его словам, более 30 лет изучению декодирования, т. е. раскрытия кода. Он подчеркивает: «На моем счету более 300 раскрытых кодов, которые сделали моих клиентов сильнее» [11, с. 21]. Правда,

в книге он рассматривает только 30 кодов, но они достаточно имплицитивны, чтобы понять и логику анализа, и возможности их прикладного использования.

Реферировать авторский текст нет необходимости по следующим причинам: во-первых, он вполне доступен, в том числе благодаря интернету и средствам массовой информации; во-вторых, мысли автора изложены столь просто и ясно, что особых затруднений в их понимании возникнуть не должно; в-третьих, многие положения так или иначе (прямо или латентно) получили применение в отечественном маркетинге, особенно в рекламе. Нам хотелось бы выяснить, насколько возможна социологическая интерпретация разработок К. Рапая и их ассимиляция в наши исследования. Сам автор лишь косвенно касается социологических аспектов темы (например, принципов «не верь тому, что говорят»; «структура, а не содержание» и др.). Он презентует именно коды Америки, хотя прибегает к компаративному сопоставлению, отмечая отличия американских кодов от тех, которые выявлены у других народов, что весьма интересно и полезно.

К. Рапай эмигрировал в США из Франции в возрасте 40 лет. На тот момент президентом Франции был Франсуа Миттеран, который заморозил активы всех граждан, покинувших страну. «Поэтому, – отмечает автор, – когда я прибыл в Нью-Йорк, денег у меня не было» [11, с. 146]. Говоря о мотивах миграции, он выделяет следующие. Во-первых, с самого детства ему были чужды некоторые элементы французской культуры. «Французы крайне критичны, пессимистичны, завистливы и мало ценят личный успех» [11, с. 146]. Как же тогда они смогли создать лучшую в мире культуру, построить город-праздник для всех его посетителей, зародить республиканское движение против сословных привилегий, подарить Америке статую Свободы? Об этом К. Рапай, видимо, не подумал. Во-вторых, американская культура казалась автору открывающей многие возможности, особенно в отношении карьеры. «Я приехал в Америку, чтобы работать над архетипами, и мало кто вообще понимал, о чем я толкую» [11, с. 146]. В-третьих, по мнению автора, в Америку приехали самые активные и целеустремленные, к которым он причисляет и себя, в то время как «более ленивые и лишенные воображения французы остались в Европе» [11, с. 147]. Опять-таки, сравнение численности мигрантов и не переехавших в другие страны из Франции противоречит такой сентенции (приговору). Карьерный (и соответственно, материальный) мотив К. Рапай реализовал и поэтому (или ради этого), как большинство иммигрантов-неофитов, стал куда большим патриотом США, чем многие коренные американцы. Прямая и бесхитростная апология автора позволяет понять, как на деле работает «плавильный котел» Америки. К чести автора можно отметить, что он фиксирует и некоторые недостатки американской культуры, правда, в основном на бытовом уровне.

Вторая особенность книги К. Рапая – это ее маркетинговая направленность. Все культурные коды, включая код президента, он рассматривает с точки зрения возможности консумативного (потребительского) приложения. Полагаем, если бы ему пришлось раскрывать код искусства, он обратился бы не к театру, опере, балету или музеям, фольклору и т. д., а к шоу-бизнесу. Неслучайно он пишет: «Не дав миру ни одного классического композитора мирового уровня, Америка успешно экспортировала рок, хип-хоп и R&B-музыку для подростков [11, с. 12]. Возможно, те, кому это экспортируется, вздохнули бы с облегчением, если бы вся эта продукция не выходила за пределы США, особенно хип-хоп с его эротизмом и насилием. Никто, конечно, не станет отрицать экзистенциальную роль потребления, но все-таки большинство социокультурных кодов во всех странах и народах свободны или стремятся освободиться от шифров, связанных с деньгами, развлечениями, кайфом, насилием и тому подобными алфавитами. Обратимся сейчас к содержанию работы, не забывая о презумпции социологического подхода.

По определению К. Рапая, «культурный код – это бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны» [11, с. 14–15]. Как видим, в предложенной дефиниции центральными являются термины «бессознательное» и «смысл». Для того чтобы понять авторский подход к проблематике кодирования и, соответственно, построения методики вскрытия кода, необходимо выяснить,

какое содержание он вкладывает в эти термины, используя их как рабочие инструменты. Кроме того (что более важно), мы должны стремиться создать адекватное теоретическое интеллектуальное поле исследования социокультурного кода в контексте собственной культуры и возможного компаративного анализа.

К. Рапай не пытается строго научно категоризировать эти термины, у него нет ни их генезиса, ни обзора источников, ни истории их становления и развития. Вместо этого он использует метафорические пояснения и иллюстративные примеры. Так, используя предложенное Конрадом Лоренцом понятие «импринтинг» (пример: ребенок, дотронувшийся до горячей сковородки), т. е. «запечатленный образ», он делает вывод о том, что «каждый подобный образ действует на нас на бессознательном уровне» [11, с. 18]. При этом он подчеркивает, что в отличие от Зигмунда Фрейда с его индивидуальным бессознательным и от Карла Густава Юнга с его коллективным бессознательным речь идет о культурном бессознательном. Имеются в виду те импульсы, источником которых является культура, а бессознательны они потому, что актуально не осознаются человеком в конкретной ситуации, например респондентом во время интервью – при ответе на прямые вопросы типа: «Что значит для Вас автомобиль?» Отсюда и вывод автора: «Запечатленный образ (в импринтинге. – С. Ш.) и код – это примерно как замок и шифр к нему. Зная последовательность цифр и букв, вы можете открыть замок. Дешифровка помогает нам ответить на один из важнейших для нас вопросов: что заставляет нас поступать так, а не иначе?» [11, с. 37].

Свою методику автор раскрывает (не детализируя) на примере исследования в Японии по заказу компании *Nestle* с целью убедить японцев перейти с потребления чая на кофе. Собрав несколько групп, К. Рапай с каждой из них проводил трехчасовой сеанс. В течение первого часа он играл роль пришельца, который никогда не видел кофе (надеясь, что объяснения японцев раскроют их тайное представление о кофе); второй час отводился составлению коллажей на тему кофе; третий – релаксации под тихую музыку с возвращением в детство и просьбой вспомнить самые ранние впечатления о кофе. «Однако цель исследования не была достигнута, – признается автор. – У японцев была мощная эмоциональная связь с чаем, а кофе для них – пустой звук».

С социологической точки зрения это исследование можно отнести к качественным, по методу фокус-групп, хотя автор ничего не сказал о выборке, репрезентативности, поле и возрасте участников и т. д. Это понятно, поскольку он придерживается методологии психоанализа в той ее части и современных представлениях, которые относятся к групповой психотерапии. Что касается термина «смысл», то автор без каких-либо оговорок отождествляет его со значением. Тем не менее исследования по раскрытию кода, проведенные в разных странах, помогли К. Рапаю прийти к следующему выводу: «У каждой культуры – своя ментальность, и она учит нас, кто мы есть» [11, с. 33], с чем нельзя не согласиться.

Бессознательное и его коды

Рассмотрим более детально понятие бессознательного, имея в виду возможность создания адекватного поля собственного исследования. Говоря о генезисе данного феномена, правомерно отнести его истоки к учению Платона об идеях. По мнению философа, идеи, являясь образами вещей, существуют в поднебесье и ведут сверхчувственное бытие. Но бессмертная душа имеет доступ к миру идей и ассимилирует их. Воплощаясь в тело, душа содержит этот потенциал. Человек познает идеи путем припоминания (анамнесиса). Познанные идеи становятся достоянием сознания, непознанные – не осознаются и существуют в бессознательном. Платон не использовал этот термин, но логически подводил к нему. Некоторые философы, анализируя интуитивное познание, связывали его с инстинктом или, как Иммануил Кант, с «бессознательным априорным синтезом», при котором ясно осознается только его результат. Впервые термин «бессознательное» дефинировал Готфрид Вильгельм Лейбниц в «Монадологии» (1714), назвав его низшей формой душевной деятельности, лежащей за или под порогом ясного осознания. В последующем идея порога послужила эвристическим толчком для разработки ряда так называемых пороговых теорий. Из них наиболее

известна пороговая теория Густава Теодора Фехнера, разработанная и изложенная в труде «Элементы психофизики» (1860), сохранившая свое значение (при некоторых уточнениях) и используемая до настоящего времени. Г. Т. Фехнер определил порог как критическую точку, раздражение выше которой вызывает у человека ощущения, а ниже – нет. Особое значение для теории и практики в последнее время приобрели подпороговые восприятия. Ими называют те воздействия на организм человека, которые субъективно не осознаются, протекают как бы под порогом сознания [12, с. 261]. К таким воздействиям относятся, например, ультра- и инфразвук, многие тактильные, запаховые, электрические и другие раздражители, лежащие ниже порога ощущений, и особенно радиация, не имеющая для человека каких-либо заметных сигнальных признаков, даже при высоких дозах облучения. Понятно, что если такие подпороговые воздействия не осознаются, но все-таки организмом воспринимаются, то их можно отнести к бессознательному. Психолог Ллойд Харольд Силверман разработал лабораторный метод проверки психоаналитических предсказаний относительно неосознаваемых конфликтов и их роли в манифестации патологии (согласно учению З. Фрейда), назвав его *подпороговой психодинамической активацией*. Суть методики в том, что испытуемым в качестве стимулов экспонировался на экран в течение долей секунды – что гарантировало невозможность осознанного восприятия – определенный образный материал. Экспериментатор регистрировал влияние предъявленных подпороговых стимулов: одни из них должны усиливать неосознаваемый конфликт, например эдипов комплекс, другие – ослаблять его. Результаты, полученные Л. Х. Силверманом и его коллегами, как будто бы подтвердили положение психоанализа о влиянии неосознаваемых конфликтов на поведение. Однако критики указывают, что их попытки воспроизвести опыт постоянно завершались неудачей: никакого влияния вообще не было обнаружено. Поэтому Ларри Хьелл и Дэниел Зиглер отмечают: «Невозможность воспроизведения полученных им (Силверманом. – С. Ш.) результатов (за небольшим исключением) заставляет сделать вывод, что эмпирическое подтверждение теории Фрейда в отношении психопатологии далеко не убедительно» [13, с. 145].

Долгое время в мировой общественности наблюдались горячие дискуссии по вопросу реальности бессознательного. В этот процесс были вовлечены не только специалисты различных областей – философы, психологи, медики, физиологи и др., но и литераторы, деятели искусства, простые обыватели, интересующиеся природой данного феномена. Одни из участников отвергали самостоятельный онтологический статус бессознательного, отводя ему место, вслед за Рене Декартом и Г. В. Лейбницем, на периферии сознания, на том краю, где все психические акты темны и, как правило, недоступны осознанию. Логика их подхода очевидна. Если человек – *Homo Sapiens*, т. е. существо разумное, способное к абстрактному мышлению, логическим умозаключениям и выводам, то иррациональные элементы в его психике, даже если они существуют, не играют сколь-нибудь существенного значения в его жизнедеятельности и повседневном поведении. Эпоха Просвещения, а позже гегелевская философия с ее панлогизмом культивировали Разум, а значит, и человека как абсолютно рационального субъекта действия, активности.

С другой стороны, сторонники актуальной реальности бессознательного исходили из идеи холизма (целостности) человека, согласно которой целое состоит из относительно самостоятельных, но не изолированных, а взаимодействующих друг с другом и с окружением частей, функционирующих так, чтобы сохранять, поддерживать и развивать целостность. Соответственно, бессознательное, с их точки зрения, реально *ipso facto*, т. е. в силу самого факта его выделения и наименования. Сегодня термин «холизм» употребляется все реже, его вытесняют кибернетическое понятие «системы» и его производные, хотя их тождественность сомнительна. Холизм противостоит атомизму, который рассматривает целое как аддитивное множество: целое равно сумме частей. Относительно такого подхода в науке Абрахам Харольд Маслоу однажды заявил: «В последнее время я все больше склоняюсь к мысли о том, что атомистический способ мышления следует рассматривать как мягкую форму психопатологии или, по крайней мере, как одну из составляющих синдрома когнитивной незрелости» [14, с. 13].

Одним из первых реальность бессознательного проповедовал немецкий философ Эдуард фон Гартман (1842–1906). В своей работе «Философия бессознательного» он доказывал, что сознание есть лишь орудие бессознательной мировой воли. Считая бессознательное основой всего сущего, он полагал, что мир (Вселенная) устроен иррационально (в противовес гегелевскому панлогизму), а осознание этого неразумения ведет его к уничтожению. Понятно, что подобная мистика не могла сохраниться надолго и оказать какое-либо влияние на общественную мысль.

К такой же позиции склонялся и родоначальник экспериментальной психологии Вильгельм Вундт. Хотя он отстаивал позицию, признававшую идентичность понятий осознаваемого и психического, тем не менее допускал, что «бессознательное выступает как качественно особая активность мозга, способная оказывать при определенных условиях глубокое влияние на поведение и сложные формы приспособления» [15, с. 18–19]. Вообще, сторонники реальности бессознательного широко опираются на интроспекцию (самонаблюдение), утверждая, что каждый зрелый человек может привести примеры своей встречи с неосознаваемыми явлениями, будь то импульсивные реакции, интуитивные озарения (инсайт), догадки, аффективные действия или переживания, инстинкты, телепатия, случаи, когда тот, кому смотрят в спину, оборачивается, и т. п. Все это рассматривается как эмпирический материал для валидации и верификации их позиции.

Однако самый радикальный подход к проблеме бессознательного разработал австрийский психолог и психиатр Зигмунд Фрейд в теории психоанализа. В отличие от многих предшествующих учений – философии, особенно Просвещения, зародившейся в середине XIX в. психологии, развивающейся антропологии, которые ставили в центр психической жизни сознание, рассматривали человека как существо разумное и осознающее свое поведение, З. Фрейд выдвинул иную, противоположную теорию, поставив на ведущую позицию бессознательное. Характеризуя ее, Л. Хьелл и Д. Зиглер отмечают: «Согласно Фрейду, не только наши поступки часто являются иррациональными, но также само значение и причины нашего поведения редко бывают доступными осознанию» [13, с. 106]. Имеется в виду, что люди находятся в состоянии беспрерывного конфликта, истоки которого лежат в другой, более обширной сфере психической жизни – в неосознаваемых *сексуальных* и агрессивных побуждениях.

В нашу задачу не входит критический разбор весьма сложных, часто неоднозначных концепций и постулатов психоанализа, тем более что они изменялись как самим З. Фрейдом, так и его верными последователями, особенно теми, кто по теоретическим или мировоззренческим причинам откололся от фрейдизма и создал собственное направление, как А. Адлер, К. Юнг, Э. Фромм и К. Хорни. Остановимся только на двух важных для нас моментах, связанных с кодированием бессознательного и с попытками экстраполяции методов психоанализа на все общество, включая и психологически здоровых людей.

Фрейд не стремился провести категоризацию бессознательного, дать ему строгое научное определение, раскрыть его структуру. Он называет его хранилищем примитивных инстинктов (в основном сексуальных и агрессивных) плюс эмоции и воспоминания, настолько тяжелые, что подавляются или вытесняются из сознания. «Примерами того, что может быть обнаружено в бессознательном, – пишут Л. Хьелл и Д. Зиглер, – служат забытые травмы детства, скрытые враждебные чувства к родителю и подавленные сексуальные желания, которые вы не осознаете» [13, с. 111]. Здесь, на наш взгляд, есть алогизм: ведь у взрослого человека самые трудные переживания – это потеря родных и близких, но они почему-то не вытесняются в бессознательное, а существуют «в доступной памяти», т. е. в области подсознательного как своего рода мнемического архива и регулярно извлекаются, например на Радоницу и в других ситуациях. По З. Фрейду, неосознанные переживания, в отличие от подсознательных, полностью недоступны для осознания, но могут выражаться в *замаскированной* или *символической* форме, «подобно тому как неосознаваемые инстинктивные побуждения косвенно находят удовлетворение в снах, фантазиях, игре и работе. Эту догадку Фрейд использовал в своей работе с больными» [13, с. 112]. Эту замаскированность или символичность того материала, который все-таки прорывается в сознание, можно понимать как своеобразное кодирование.

К. Рапай ввел еще одно понятие – «культурное бессознательное». Оно не может быть объяснено ни по теории З. Фрейда, ни по описаниям К. Юнга. Культурное бессознательное определяет поведение человека в свете воспитывающей его культуры. Он утверждает: «Существует американское мышление, так же как французское, английское, курдское или латвийское (а также и белорусское, добавим мы. – С. Ш.). У каждой культуры – своя ментальность, и она учит нас, кто мы есть» [11, с. 33]. В доказательство данной идеи автор приводит много примеров раскрытия кода. Так, он выяснил, что код джипа в Америке – конь. Вряд ли кому-нибудь из маркетологов или рекламистов могла прийти в голову подобная ассоциация. К. Рапай пришел к ней путем глубокого изучения самых ранних, связанных с этим автомобилем воспоминаний респондентов. В этих рассказах не было технических подробностей, но «повторялся один и тот же мотив: открытые просторы, поездки туда, где обычная машина не пройдет, свобода перемещения, независимо от дорог. Часто звучали слова о Западе Америки или бескрайних прериях» [11, с. 14]. Автор, как мы уже отмечали, проводил качественные исследования типа фокус-групп, но вполне возможен и обычный социологический выборочный опрос (интервью) с включением в инструментарий ряда открытых вопросов о чувствах и переживаниях о первых поездках на джипе. Понятно, что культурное бессознательное, в отличие от индивидуального по З. Фрейду, не хранилище инстинктивных (врожденных) импульсов и тяжелых переживаний детства, которые ребенок, взрослея, действительно забывает (хотя они присутствуют в глубинах психики и могут латентно влиять на поведение и самочувствие, в том числе и в форме психопатологии), а кладезь личного опыта, как правило, позитивного, кристаллизованного вокруг ценностей своего окружения – семьи, коллектива, общества в целом. Они невольно вытесняются каждодневными заботами и переживаниями в нижние этажи психической жизни, но не элиминируются, а виртуализируются и служат потаенной базой оптимизма, уверенности в том, что завтра будет лучше, чем вчера, тем самым мощно фасцинируя (возбуждая) воображение, фантазию, мечты и надежды, без чего невозможны полноценный креативный рост личности, ее самоопределение и самоактуализация. Именно поэтому найденный код джипа позволил внести некоторые изменения в дизайн автомобиля – круглые фары (как глаза у лошади), новая решетка радиатора, что вызвало бессознательное приятие населением нового «лица» модели и значительный рост показателей продаж в Америке. Заметим, что во Франции и Германии эту машину пришлось позиционировать иначе, исходя из различий культурного кода этих стран. Можно сказать, что знание культурного кода позволяет предсказывать возможные реакции акторов на объекты, с которыми они сталкиваются, и на явления, в которые они так или иначе включаются в сфере повседневной жизни. Главное здесь то, благодаря чему может быть реализована такая операция, а именно тому, что код несет информацию о неосознаваемых установках людей, т. е. о предрасположенности, готовности к определенному поведению, поступкам и действиям в соответствующих ситуациях, следовательно, к выбору или конструированию релевантной стратегии – такой, какая, по А. Шюцу, и ведет к цели.

Заметим, что З. Фрейд фактически не затрагивал сферу повседневности, концептуально не использовал термин «установка». Например, его медико-клиническим кредо был принцип *исцеление через осознание*, о котором положительно отзывался еще Иван Петрович Павлов, считая это заслугой З. Фрейда. И. П. Павлов подчеркивал: «Когда очень запятан ущемленный пункт, то его надо привести в связь с остальными полушариями <...> и тогда, раз полушария функционируют правильно, то наводят порядок и там» [16, с. 296]. Как видим, у И. П. Павлова это нейрофизиологическая интерпретация, предполагающая осознание для мобилизации всего человеческого организма в борьбе с недугом. У З. Фрейда иной подход: он имеет в виду некое автоматическое устранение патогенного влияния вытесненных в бессознательное фрустрирующих элементов психики путем их осознания. Но достаточно ли для исцеления простого осознания травмирующих событий, пережитых, как правило, в детстве? Видимо, недостаточно, иначе трудно понять отход от фрейдизма многих ставших впоследствии видными учеными

психоаналитиков, например К. Юнга и А. Адлера. О последнем Л. Хьюэлл и Д. Зиглер пишут: «Его концепция существенной роли социальных сил в развитии личности узнаваема в более поздних работах Эрика Фромма, Карен Хорни и Гарри Стэка Саливана – всех, кто отмечал в теории Фрейда *отсутствие социологической ориентации* (курсив наш. – С. Ш.). Соответственно, особое подчеркивание волевых и творческих аспектов личности оказало прямое или косвенное влияние на таких выдающихся психологов, как Гордон Олпорт, Абрахам Маслоу, Ролло Мей, Виктор Франкл и Альберт Эллис» [13, с. 164]. У всех у них и личные отношения с Фрейдом, можно сказать, не сложились. Неслучайно и его следующее письмо: «Мне непонятна Ваша симпатия к Адлеру. Для еврейского мальчика из пригорода Вены смерть в Абердине уже сама по себе – неслыханная карьера и доказательство того, как он преуспел. На самом деле мир щедро его вознаградил за старания на ниве опровержения психоанализа» [13, с. 164]. В этих словах вопреки древнему завету «о мертвых или хорошо, или ничего» заметна радость от того, что ушел из жизни сильный противник, и это выделяет какую-то черту самого автора письма. Характерно, что и младшая дочь З. Фрейда, Анна, пошедшая по стопам отца и ставшая известным детским психоаналитиком, считала, что главное в психотерапии не сам факт осознания, а перевоспитание ребенка.

Что касается генерализации психоаналитического подхода, то пример подал сам З. Фрейд, занявшийся во второй половине творческой жизни созданием метапсихологии. Префикс «мета» обозначает последовательность чередования – после, за, вслед и т. д., но в отличие от аналогичных префиксов «пост-», «афтер-», указывающих на хронологическую смену периодов или состояний (как пример: постмодернизм – после модерна), носит в основном теоретико-методологический характер выхода за пределы основного понятия (метagalактика – все известные галактики в их совокупности). З. Фрейд, по образованию будучи врачом, ведущим частную практику в области невропатологии, создавал свою психоаналитическую доктрину сугубо для медицинских целей – лечения неврозов, истерии и других психических расстройств, хотя и оформлял ее в психологической терминологии. Переходя к разработке метапсихологии, он стремился расширить область приложения психоанализа, прежде всего на выдающихся деятелей науки и искусства, утверждая, что их творчество есть не что иное, как сублимация либидинозной энергии в эти сферы деятельности. Так появилась его работа «Леонардо да Винчи, этюд по теории психосексуальности». Психоаналитические концепты, такие как «либидо», «сублимация», «эдипов комплекс» и «комплекс Электры», «катексис», «инфантильность» и др., стали в метапсихологии З. Фрейда основой для новой интерпретации первобытного общества («Тотем и табу»), религии как одной из форм коллективного невроза («Будущее одной иллюзии», «Моисей и единобожие»), повседневной жизни («Психопатия обыденной жизни», «Психология масс и анализ человеческого «Я»), цивилизации («Цивилизация и недовольные ею»). Фактически это была серьезная попытка психологизации истории, культуры, общественной жизни, против чего так активно выступали Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс, другие исследователи, стремление растворить все социогуманитарные науки – от философии до антропологии – в психоаналитике. Справедливо писал Филипп Вениаминович Бассин в дискуссии с профессором Чезаре Музатти: «Не случайно он не останавливается на приведенной в моей статье оценке именно тех фаз в развитии учения Фрейда, для которых характерно заострение внимания к моментам социологического порядка, – на вопросах, относящихся к культуре первобытного общества, на роли, которую врожденные якобы инстинкты разрушения и смерти играют, по мнению Фрейда, в жизни современного цивилизованного общества и т. п. Отрицать глубокую внутреннюю связь этих работ со всем предшествующим развитием учения Фрейда вряд ли кто-нибудь решится. А это значит, что психоанализ не просто “используется” в социологии как некое первично нейтральное орудие и что это использование может быть произведено в разных планах и с разных социологических позиций, а *что психоанализ создал собственную социологию* (курсив наш. – С. Ш.), свой собственный, глубоко для него характерный подход к истолкованию общественных явлений, уходящий логическими корнями в самое ядро психоаналитической доктрины» [15, с. 407].

Эти слова принадлежат известному советскому специалисту в области нейрорпсихологии и физиологии, доктору медицинских наук, профессору Ф. В. Бассину, хотя такую тенденцию отмечали и другие критики психоанализа. Она особенно усилилась и приобрела доминирующий характер в неофрейдизме. Термин «неофрейдизм» употребляется для обозначения ряда течений, созданных первоначальными сторонниками ортодоксального фрейдизма, но отколовшимися от него в силу мировоззренческих расхождений и создавших собственные школы и направления. В их числе К. Юнг, А. Адлер, К. Хорни, Г. С. Саливан, Э. Фромм, а также ученые из других непсихологических областей – М. Мид, Т. Адорно и др., некоторые деятели культуры и искусства, принявшие отдельные постулаты этого учения и пропагандирующие их в своих произведениях. Неофрейдизм отказался от многих концепций и понятий З. Фрейда, таких как биологический детерминизм, пансексуализм, комплексы Эдипа и Электры, сублимация, либидо и др., сохранив при этом регулятивную роль бессознательного. На освободившееся место они выдвинули социально-экономические и культурно-исторические факторы, благодаря чему некоторые из них – Э. Фромм, Т. Адорно – стали известными профессиональными социологами. Однако их работам, как и метапсихологии З. Фрейда, присущ очевидный парадокс: стремясь социологизировать психологию (в лице психоанализа), они невольно и, возможно, неосознанно, психологизируют социальное, культурное, экономическое и даже историческое. Так, у Т. Адорно авторитарная личность – не столько продукт обстоятельств, сколько врожденных инстинктов, детских фрустраций, комплексов, фобий и т. п.; у Э. Фромма социальное (в широком смысле слова) лишь блокирует продуктивную ориентацию, а не поддерживает ее, в силу чего личность обречена на конфликт с обществом, как, по З. Фрейду, бессознательное *Id* с сознательным Эго. Поэтому, несмотря на декларирование социально-культурной обусловленности психики, введение термина «социальный фрейдизм», отказ от клинической практики и замкнутости на наблюдениях случаев психопатологии, включение в исследовательское поле некоторых весьма актуальных общественных проблем, ни З. Фрейду, ни неофрейдистам не удалось создать новую, психоаналитическую, социологию. Основная причина такой неудачи, если учесть действительное стремление к такому варианту многих неофрейдистов, в том, что центральным понятием своей методологии они оставляли бессознательное, в том же нерасчлененном виде, в каком оно *ab ovo* (с лат. изначально) постулировалось З. Фрейдом. Для сравнения приведем слова Сергея Леонидовича Рубинштейна о таком важнейшем понятии, как «способность». Он подчеркивает: «Сам термин “способность” характеризует то, что он имеет в виду, только с точки зрения того, что это нечто дает человеку (имеется в виду успешность деятельности. – С. Ш.), но непосредственно еще никак не определяет, не вскрывает, что само это нечто есть. Необходимо как-то определить *состав, структуру способностей* (курсив наш. – С. Ш.)» [17, с. 64]. Аналогично и с бессознательным: мало сказать, что оно актуально не осознается человеком, необходимо определить его состав, структуру, для того чтобы понять и его место в психологии, и его влияние на поведение и жизнедеятельность тех или иных категорий людей в конкретных обстоятельствах. В работах психоаналитиков этого нет, как нет и данных о доле страдающих неврозом (пациентов соответствующих клиник) среди всего населения и отдельных групп, что, конечно, ограничивает серьезные научные экстраполяции, в том числе и вскрытых на малых выборках кодов. Именно поэтому необходимо представить бессознательное аналитически, расчлененно, с выявлением роли и возможных кодов отдельных его элементов.

Элементный состав бессознательного: проблема кодирования

В психоаналитической теории З. Фрейда бессознательное включает два вида инстинктов – сексуальные и агрессивные (от первоначального танатологического он позже отказался). Выделяются также вытесненные болезненные переживания, случавшиеся, как правило, в детском возрасте. Такая схема представляется весьма упрощенной: во-первых, в ней отсутствуют такие важнейшие инстинкты, как пищевые, самосохранительные, безопасности, аффилиации (общности с другими) и т. д. (всего насчитывают до 40 инстинктов); во-вторых, в ней не упоминаются

переживания, связанные с потерей близких; в-третьих, нет анализа социальных и культурных факторов, таких как архетипы, аттитюды, интериоризованные нормы и ценности и др.; в-четвертых, опущены физиологические аспекты, столь важные для диагностики и лечения неврозов. Мы попытаемся перечислить и коротко охарактеризовать некоторые элементы данного феномена, обращая внимание на их кодирование (символизацию) и возможность выявления (дешифровки) смыслов.

Рефлексы (от лат. *reflexus* – отражение, обращение) – ответные реакции организма на воздействия внешнего мира, в том числе идущие от общества, его структур и отдельных индивидов, и внутренней среды. Еще Рене Декарт, французский философ, математик, физик и физиолог, родоначальник учения о рефлексах, относил к ним глотание, дыхание, ходьбу, мигание, икоту, зевоту и т. п. Традиционно рефлексы разделяют на безусловные и условные. *Безусловными* являются прирожденные, можно сказать, автоматические акты реагирования на те или иные раздражители, например мигание глаза при попадании в него пыли или соринки. *Условными* называют вырабатываемые рефлексы в процессе индивидуальной жизни на базе одного из безусловных рефлексов – пищевого, оборонительного и т. п. – путем одно- или многократного сочетания с ним некоторого биологически несущественного раздражителя (звонок как сигнал приема пищи в опытах И. П. Павлова). Безусловные рефлексы практически не зависимы от воли и сознания (скажем, актеру крайне сложно искусственно пустить слезу, покраснеть, вызвать зевоту или икоту). У людей и большинство отработанных, усвоенных с детства или путем тренировок рефлексов также являются неосознаваемыми.

Остановимся подробнее на проблеме кодирования информации в рефлекторном акте и некоторых других моментах. Любое внешнее или внутреннее раздражение, попадающее на организм, воспринимается рецепторами, назначение которых состоит в том, чтобы трансформировать (преобразовывать) энергию раздражителя в нервное возбуждение. Рецептор состоит из центра и периферии. Центр осуществляет так называемую «*on*-реакцию», т. е. на основе сенсорного порога включает данный раздражитель в анализатор органов чувств; периферия, наоборот, путем «*off*-реакции» должна выключить раздражитель, когда его действие прекращается (устраняется), например прекратить чихание и т. п. На периферии располагаются также нейроны-детекторы, которые обладают врожденной способностью реагировать только на один признак (скажем, тепло или давление), что позволяет выделять такие признаки из массы других, а значит, опознавать и строить образ раздражителя. Однако информация не может быть передана по нейронным сетям в натуральной форме (градусах, килограммах и т. п.), поэтому рецептор осуществляет ее кодирование. Для этого он преобразует энергию раздражителя в биоэлектрический феномен, называемый рецепторным потенциалом. Виктор Иванович Шостак отмечал: «Именно в этой части афферентной системы (т. е. в рецепторе. – С. Ш.) происходит логарифмическое преобразование сигнала, т. е. переход на гораздо более экономный код, позволяющий при помощи сравнительно небольших изменений биологического сигнала передавать информацию в диапазоне изменений на 9–12 порядков, возможных в естественных условиях» [18, с. 16–17]. Кодирование продолжается и на этапе передачи возбуждения (уже как нервного импульса) афферентной системой. Причем, как отмечает В. И. Шостак, «мы обнаруживаем гораздо большее разнообразие способов кодирования» [18, с. 17]. Как видим, кодированию здесь подлечит энергия внешнего раздражителя, воспринимаемая рецептором, который и осуществляет ее логарифмическое преобразование. Например, если на руку человека давит груз весом в 10 000 г (10 кг), то десятичный логарифм 10 000 равен 4, значит, для передачи сигнала по афферентной системе в центр управления (мозг) достаточно энергии всего лишь 4 единицы в электрическом измерении, условно говоря, 4 милли- или микроватт. На первый взгляд, это сугубо физиологический процесс, однако он позволяет понять и природу психологической деятельности. Иван Михайлович Сеченов, отец русской физиологии, утверждал: «Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы» [18, с. 9]. В отличие от З. Фрейда, И. М. Сеченов не разделяет, а соединяет сознание

и бессознательное через рефлексy, исходя из того, что происхождение не только бессознательной жизни, но и сознания было бы невозможно без ответных реакций организма на внешние и внутренние раздражители.

Эта же идея присутствует у Макса Вебера: «Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена». Чисто реактивное поведение, когда, например, человек укрывается от неожиданно дожда под деревом или кустом, есть акт рефлекторный, но ведь человек понимает, зачем он это делает, поэтому между ним и осмысленным действием не может быть демаркационной границы. Значительная часть социологически релевантных действий находится на границе того и другого. М. Вебер отмечает: «Осмысленное, т. е. доступное пониманию действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других – может быть обнаружено только специалистами. Мистические, т. е. адекватно не передаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны. <...> Полное сопереживание – важное, но не абсолютно непреложное условие понимания смысла. Доступные и недоступные пониманию компоненты какого-либо процесса часто переплетаются и связываются» [19, с. 603].

Инстинкты. Термин «инстинкт» (от лат. *instinctus* – побуждение) широко используется как в научной литературе, так и в повседневной жизни, например, когда говорят: «инстинктивно обернулся», «инстинктивно отклонился» и т. п., имея в виду, что движение или действие совершенно спонтанно, неподготовленно, не проходит через сознание. В науке общепринята точка зрения о том, что инстинкты входят в состав бессознательного; споры идут главным образом о том, какова психологическая модальность тех или иных инстинктов, как они соотносятся с сознанием (разумом), какое влияние оказывают на поведение и всю жизнедеятельность человека. Так, З. Фрейд фактически гипостазировал (придавал термину самостоятельное бытие) инстинкты, утверждая, что они (в составе бессознательного) образуют особую реальность, которую можно продемонстрировать и проверить. Л. Хьелл и Д. Зиглер отмечают: «Фрейд твердо верил в то, что действительно значимые аспекты поведения человека оформляются и направляются импульсами и побуждениями, всецело находящимися вне сферы сознания» [13, с. 112]. Вместе с тем он считал, что «неосознаваемые инстинктивные побуждения косвенно находят удовлетворение в снах, фантазиях, игре и работе. Эту догадку Фрейд использовал в своей работе с больными» [13, с. 112].

А. Маслоу, имея, видимо, в виду гипостазис инстинктов, писал: «Неудивительно, что Фрейда часто ставят в один ряд с Гитлером, ибо их позиции во многом схожи, и нет ничего странного в том, что такие замечательные люди, как Торндайк и Мак-Даггалл, руководствуясь логикой измененной инстинктивности, пришли к антидемократическим выводам гамильтоновского толка» [14, с. 142]. А. Маслоу создал одну из наиболее конструктивных концепций человеческих инстинктов. Он назвал 12 ошибок теории инстинктов, но не согласился с антиинстинктивистами, отрицающими наличие и важную роль инстинктов у человека. Он рассматривал базовые потребности как инстинктоидные. Характерно, например, следующее суждение А. Маслоу: «Мы не против того, чтобы рассматривать рефлексy в контексте классических животных инстинктов. Но при этом мы понимаем, что рефлекс – это исключительно моторный акт, инстинкт же помимо моторного акта включает в себя биологически детерминированный импульс, экспрессивное поведение, функциональное поведение, объект – цель и аффект» [14, с. 133].

Одной из ошибок – «наиболее страшной» – теории инстинктов А. Маслоу считал то, что она представляет инстинкты исключительно в негативном свете – как эгоистичные, корыстные, враждебные, дурные импульсы. Теологи называют это первородным грехом или голосом дьявола, фрейдисты – импульсом *Id*, т. е. сугубо иррациональной, ничем не ограниченной компонентной структуры психологии личности. «Дарвин, – по словам А. Маслоу, – был настолько убежден в дурной природе инстинктов, что основным фактором эволюции животного мира счел борьбу, соревнование и совершенно не заметил проявлений сотрудничества, кооперации, которые, однако, легко сумел разглядеть Кропоткин» [14, с. 137]. (Неслучайно в число самоактуализированных личностей всего мира он включил

от России Кропоткина). Конечно, инстинкты животных и человека существенно различаются. У животных это врожденная, передаваемая по наследству программа, в которой записано, что и как делать в той или иной ситуации. Стоит понаблюдать, как ласточки-первогодки выют гнездо: выбирают место, защищенное от непогоды, часто под крышей дома; делают входное отверстие так, чтобы кот, если случайно доберется до гнезда, не смог просунуть в него лапу и т. д., хотя их этому не учили. У человека такой наследуемой программы нет, но у него есть биоэнергетические импульсы, позывы, требующие удовлетворения – их А. Маслоу назвал «инстинктоидными потребностями». Келли Макгонигал пишет: «Эволюция сохранила нам все инстинкты, которые когда-либо приносили пользу. <...> От пращуров вы унаследовали инстинкт, который помогает вам отвечать на любую угрозу, требующую бегства или борьбы для спасения жизни. Этот инстинкт так и называется: реакция на стресс “бей или беги”» [20, с. 27; 43].

А. Маслоу выступал решительно против традиционной дихотомии «инстинкт – разум» как перманентной внутренней конфликтогенности, которая якобы и продуцирует антагонизм между человеком и обществом, между личным и общественным интересом. По его мнению, они не антигонистичны, а *синергичны*. «Здоровый разум и здоровый импульс устремлены к одной и той же цели: у здорового человека они ни в коем случае не противоречат друг другу (но у больного они могут быть противоположны, оппозиционны друг другу). <...> Слабый инстинкт может обнаружиться, выразиться и получить удовлетворение только в том случае, если условия, предопределяемые культурой, благоприятствуют ему, плохие же условия подавляют, разрушают инстинкт» [14, с. 139]. В качестве примеров атрофирования инстинктов он называет болезнь («у психопата нет потребности в любви»), продолжительную безработицу, наблюдения за бывшими узниками концлагерей. Что касается представлений о дихотомичности личного и общественного, то причину их живучести А. Маслоу видит в том, что «предметом нашего изучения до сих пор были в основном больные люди и люди, живущие в плохих социальных условиях» [14, с. 140].

В нашей стране в советское время проблема инстинктов была вытеснена на периферию из физиологии, психологии и социологии рефлексорной теорией И. П. Павлова. О ней заговорили в 1970-х гг. в связи с широкой дискуссией на тему «природа – воспитание».

Архетипы. Термин «архетип» (от греч. *arche* – начало и *typos* – образ) – прообраз, прототип, первоначальная форма, исходная идея – был введен древнегреческими философами для обозначения начала сущности («вода – начало всего», по Фалесу), исходных принципов познания («познай самого себя», по Сократу) и др. Позже его стали использовать в биологии для выделения маточных форм или мутовок, по П. Т. де Шардену, в лингвистике при анализе таксонов, например однокоренных слов или языковых групп и т. п. В методологии науки к таким исходным прообразам часто относят аподиктические императивы – целостность (холизм), верифицируемость и др., а также парадигмы как образцы мышления, аксиомы, постулаты и др.; в религии – кредо, как символ веры, и каноны. В социологии к архетипическому по своему построению и смыслу можно отнести центральный кластер понятий, образованных от слова *socialis* – общий, общностный, таких как «социальное равенство», «социальная мобильность», «социальная сфера» и др. (всего более 200 понятий).

Но особую интерпретацию этому термину придал К. Юнг, включив его в свою аналитическую психологию. В отличие от З. Фрейда, К. Юнг, помимо индивидуального бессознательного, выделил в структуре личности и коллективное бессознательное, что стало, как отмечают Л. Хьелл и Д. Зиглер, «основной причиной расхождений между ними». З. Фрейд с его полустихийной ориентацией на методологический атомизм не мог ни понять, ни поверить, что нечто психологическое может находиться вне отдельного человека – индивида. К. Юнг же утверждал, что в бессознательной жизни своих пациентов и в своей собственной путем самоанализа он обнаружил изначальные образы. Эти образы были общими у разных людей и совпадали с повторяющимися мотивами. Это и было коллективное бессознательное, представляющее, по К. Юнгу, хранилище латентных следов памяти не одного индивида, а всех членов коллектива: мысли и чувства были общими

для всех в силу их общего эмоционального прошлого. К. Юнг писал: «В коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума» [13, с. 200]. Стоит оно из архетипов, т. е. «первичных моделей» как структурирующих образцов психической деятельности, связанных с инстинктами, а значит, врожденных и предполагающих людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. «Основные черты таких образов – нуминозность, бессознательность и автономность. <...> Юнг ввел термин “архетип” во избежание любых предположений, будто основным является само содержание психических явлений, а не его бессознательная и непредставимая схема или образец» [21, с. 42]. Заметим, что понятие «нуминозность», по словам авторов юнговского словаря, «не поддается удовлетворительному объяснению» [21, с. 150], но поскольку он связывает его с религиозным опытом, а религия (любая), как известно, имеет три опоры – чудо, тайну и авторитет [22, с. 7], то это понятие можно, на наш взгляд, переводить как таинственность и чудотворность. Важно также не упускать из виду связь архетипов с инстинктами, что особо отметил К. Юнг.

С социологической точки зрения, повышенное внимание к теории архетипов – не только в науке, но и в искусстве, литературе, обыденном сознании широкой публики, образовании и воспитании – можно объяснить ее тесной связью с давней проблемой соотношения врожденного и приобретенного, или (в нашей терминологии) биологического и социального. Так, сторонники теории научения считают, что все добродетели человек приобретает через образование и воспитание, а пороки – это мол, из-за недостатка усилий или просчетов родителей, учителей, общества в целом. Их противники (социобиологи и другие специалисты) справедливо отмечают, что далеко не все качества и способности можно сформировать у человека, поскольку и некоторые люди, и те занятия, которые они хотели бы выбрать, часто не поддаются тренировке. Этот спор, как иронично заметил А. Маслоу, «чем дальше, тем больше начинает напоминать спор между партией остроконечников и тупоконечников. Я уверен, что мы, зная об этой дихотомии, сумеем избежать ее» [14, с. 135]. Но для этого необходимо как можно лучше знать обе стороны дихотомии, особенно содержание того, что входит в состав врожденного или биологического.

Архетипы побуждают к ретроспективному анализу, к возврату в историю самых далеких пращуров – архантропов и палеоантропов. Если верно, что коллективное бессознательное фасцинирует (по И. Канту, пробуждает, усиливает) воображение, то можно попытаться представить, например, чем был первый огонь для далеких предков, какое влияние он оказал на их мозг и психику и почему нас так гипнотизирует ночной костер в лесу. Как нам понять и оценить, какие следы в их мнемонике (искусстве запоминания) и интеллекте оставили преодоления таких явлений, как антропофагия (каннибализм), промискуитет, бессеркизм (приступ агрессии) и т. д., или введение экзогамии как «главной социальной инновации верхнего палеолита» [23, с. 179], линейного родства, тотема и табу, запрета инцеста, регуляция брака, появление рода и семьи и т. д. Такие события не могли не запечатлеться (импринтинг), сохраняться и транслироваться как некоторые образы-символы. Не будь этого, трудно представить единство и целостность глобального социетального общества (человечества), сохраняющегося столь длительное время, несмотря на множество природных катаклизмов, гибель многих государств, войны и революции, кризисы и депрессии, иные перипетии.

В состав бессознательного входят также такие компоненты, как стереотипы и установки, требующие отдельного рассмотрения. На наш взгляд, приведенный материал показывает, что, помимо инстинктивных актов, у человека есть и ряд неосознаваемых психологических реакций, которые находят свое выражение в символической форме, а значит, требуют раскрытия своего кода для теоретических исследований и практического применения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Мудрость тысячелетий: энциклопедия / сост. В. Н. Балязин. М., 2005.
2. Генетический код. Биология / сост. З. А. Захарова. М., 2001.
3. Новейший философский словарь / сост. и ред. А. А. Грицанов. Минск, 2001.

4. *Токарев А. С.* Послесловие // Дж. Фрэнгер. Золотая ветвь. М., 2003.
5. *Солженицын А. И.* Бодался теленок с дубом // Нов. мир. 1991. № 8. С. 6–89 [Solzhenitsyn A. I. Bodalsya telenok s dubom. *Nov. mir.* 1991. No. 8. P. 6–89 (in Russ.)].
6. *Солженицын А. И.* В круге первом // Нов. мир. 1990. № 2. С. 6–185 [Solzhenitsyn A. I. V kruge pervom. *Nov. mir.* 1990. No. 2. P. 6–185 (in Russ.)].
7. *Чолаков В.* Нобелевские премии, ученые и открытия / под ред. А. И. Шамина. М., 1987.
8. *Макаров А. В.* Управление межэтническими отношениями в контексте информационного противостояния : дисс канд. ... социол. наук. Минск, 2016.
9. *Кобяк О. В.* Методология социологического моделирования экономического поведения в контексте теории М. Вебера : дисс. д-ра ... социол. наук : 22.00.01. Минск, 2016.
10. *Войшвилло Е. К., Деятярев М. Г.* Логика. М., 1996.
11. *Рапай К.* Культурный код : как мы живем, что покупаем и почему / пер. с англ. У. Саламатова. М., 2008.
12. Подпороговое восприятие // Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова [и др.]. М., 1983.
13. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. Основные положения, исследования и применение. Минск, 2001.
14. *Маслоу А.* Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб., 2001.
15. *Бассин Ф. В.* Проблема бессознательного. М., 1968.
16. Павловские клинические среды : стенограммы заседаний в нервной и психиатрической клиниках : в 3 т. М. ; Л., 1955. Т. 2.
17. *Рубинштейн С. Л.* Проблема способностей и вопросы психологической теории // Психология индивидуальных различий. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М., 1987.
18. *Шостак В. И.* Природа наших ощущений. М., 1983.
19. *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. М., 1990.
20. *Макгонигал К.* Сила воли. Как развить и укрепить. М., 2013.
21. *Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф.* Словарь аналитической психологии К. Юнга : пер. с англ. СПб., 2009.
22. *Лапшин И. И.* Философия изобретения и изобретение в философии : введение в историю философии. М., 1999.
23. *Шкуратов В. А.* Историческая психология. М., 1997.

Статья поступила в редакцию 15.06.2016.
Received by editorial board 15.06.2016.